PG3117
.M35
1914

МАЛЬЧИКЪ СЪ МИЗИНЧИКЪ

СКАЗКА

Книги въ 1 листъ свѣтскаго содержанія.

Баба-яга.
Бова-королевичъ.
Гадкій утенокъ.
Громобой.
Дочь болотнаго царя.
Двѣнадцать братьевъ лебедей.
Еруланъ Лазаревичъ.
Женская доля.
Иванъ царевичъ.
Илья Муромецъ.
Купеческая дочь Василиса Прекрасная.
Король людоѣдовъ.
Коть въ сапогахъ.
Мертвецъ безъ гроба.
Мальчикъ съ мизинчикъ.
О львицѣ.
Портупей-прапорщикъ.
Преданіе о Петрѣ.
По молитвѣ матери.
Соловей-разбойникъ.
Садко-купецъ.
Сонникъ.
Турецкій плѣнникъ.
Утопленница.
Фра-дьяволъ.
Паша-пастухъ.
Хорошему вору все впору.
Исторія о пастухахъ.
Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ.
Пантюшка, Сидорка и Филатка.
Атаманъ Кондрашка Булавинъ.
Сказка о Кузьмѣ Сирофонтовѣ.
Егорушка простакъ-паренекъ не тумакъ.
Женихъ изъ Охотн. ряда.
Сказаніе о заступленіи Пр. Богородицы.
Таинственный монахъ.
Много ли человѣку земли нужно.
Проклятое мѣсто.
Водка какъ духъ сатаны.
Влюбленный чортъ.
Портной и чортъ.
Сиротская доля.
Польскій колдунъ панъ Твардовскій.
Въ цѣпяхъ у китайцевъ.
Князь Серебряный.
Волшебный замокъ.
Королева рабыня.
О солдатѣ Яшкѣ.
Измученный, истерзанный нашъ братъ мастеровой.

1025 ч/81
hol-u
PG3117
.M35
1914

САМЪ СЪ НОГОТОКЪ,

БОРОДА СЪ ЛОКОТОКЪ

ИЛИ

МАЛЬЧИКЪ СЪ МИЗИНЧИКЪ.

SAM S
NOGOTOK,
BORODA
S
LOKOTOK,
ili Mal'chik
s mizinchik

СКАЗКА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, с. д.
Москва—1914

Въ Пошехоньѣ мы живали и тамъ сказочки слыхали...

Хоть про тамошній народъ и говорятъ, что они сбились съ дороги, заблудились, вишь, въ трехъ соснахъ и что потомъ для завтрака полный кузовъ съ толокномъ въ Волгу-матушку свалили;—трое заснули, а одинъ глядитъ, скоро ль-то Волга закипитъ? Ну, да это просто шутка, пустяки да прибаутка...

«Нынче весь народъ таковъ,—какъ старики поговариваютъ,—безъ злословья—ни на шагъ. Чуть кто безъ мѣры тянетъ брагу, того пьяницей зовутъ, и по-ихнему тотъ негодяй, кто живетъ чужимъ карманомъ».

Мы на этотъ разъ смолчимъ и вдѣсь сказочку для васъ пошехонскую состримъ; коль не спите, такъ успокоимъ; а заснете такъ поразбудимъ.

Близко рѣчки, на углу, есть избушка набоку; муха пѣла тамъ однажды, тамъ старикъ

жилъ со старухой, у нихъ не было дѣтей, а третій былъ дуракъ. Поутру ловилъ онъ птицъ, вечеромъ игралъ на скрипкѣ, строилъ балы да плясалъ и что есть мочи распѣвалъ, потомъ сказочку начиналъ: «какъ за синее за море поразмыкать злое горе ѣхалъ дядя Еримѣй на коровѣ на своей; крѣпко онъ за хвостъ держался, громко заливался... Пробылъ годъ тамъ, пробылъ два наша буйна голова, всякимъ фокусамъ учился, а все толку не добился и пришелъ домой пѣшкомъ, какъ и прежде—дуракомъ». Это первая вамъ шутка, вотъ другая прибаутка: «Чижикъ, чижикъ! гдѣ ты былъ?»—«За морями воду пилъ».—«Какова же тамъ водица?» такъ пищитъ ему синица. «Выпьешь рюмку выпьешь двѣ, закружится въ головѣ!»—«Дай же,—думаетъ вострушка,—я задамъ друзьямъ пирушку, всѣхъ до пьяна напою и компанью угощу я въ заключенье небывалымъ освѣщеньемъ: зажгу море, пусть глядятъ да спасибо говорятъ!..» Вотъ гостей она сзываетъ, съ ними къ морю отплываетъ; жила годъ тамъ, жила два, а все моря не зажгла... Понапрасну горячилась, безъ хвоста домой явилась и съ тѣхъ поръ ужъ ни гугу,—вѣрьте, право, я не лгу: кто не за свое берется, тотъ въ расчетѣ ошибется.

Людъ честной, людъ православный! кто изъ васъ разсказъ забавный любитъ слушать — просимъ сѣсть; угостимъ васъ тѣмъ, что есть; чего нѣтъ, ужъ какъ хотите, а на насъ вы не взыщите; вамъ извѣстно, что на *пѣтъ* и въ судахъ расправы нѣтъ!..

Разъ случились именины у сосѣдки Акулины, много было тамъ добра: полугарцу два ведра, пирогъ съ кашей да съ морковью приготовленъ былъ свекровью; соусъ съ рѣпой, жирный гусь, объяденье — побожусь — въ заключенье, для отваги полъ-ушата сладкой браги. Вотъ и гости собрались, за веселье принялись, пьютъ себѣ и въ усъ не дуютъ, во всю голову *кантуютъ*... и хозяйкѣ за урядъ всѣ спасибо говорятъ; да случись между гостями, за широкими столами, тутъ подьячему сидѣть, и собой-то, поглядѣть, такъ куда на видъ невзрачный, а нарядъ на немъ былъ фрачный, позасаленный путемъ, галстукъ—съ вычурнымъ жабомъ; сидитъ козыремъ подьячій, молча ѣстъ пирогъ горячій, а *россійскаго* не пьетъ, въ руки рюмки не беретъ. Гости всѣ наугостились и съ поклономъ обратились: «Господинъ, дескать, честной, сдѣлай милость, удостой выпить чарочку, другую за хозяйку молодую»; а подьячій имъ въ отвѣтъ молвилъ

съ гордостію: «Нѣтъ! не могу, не пью простого, даже для отца родного». Тутъ ему дѣдъ молвилъ, кашлянувъ въ отвѣтъ хозяйскій: «Ты напрасно заломался, коли въ кругъ простой попался, не взыщи же, милый мой, радъ, не радъ, а волкомъ вой».

Рѣчи нашей заключенье — всѣмъ понятно, безъ сомнѣнья; мы исторійку простую, рѣчь безъ вычуровъ, прямую, вамъ отъ скуки поведемъ и къ себѣ, друзья, зовемъ только тѣхъ послушать сказки, кто неистовой завязки и диковинныхъ проказъ не потребуетъ отъ насъ... Ну, да полно горячиться, просимъ милости садиться, слушать скромно, не дремать: время сказку начать.

Подъ горою, подлѣ лѣсу, стоялъ городъ, — городъ, какъ водится, съ домами; кругомъ его обнесены были стѣны; народъ въ этомъ городѣ такъ же, какъ и мы — и пьетъ и ѣстъ, такъ же сплетничаетъ и бранится между собою. Въ этомъ-то городѣ давнымъ-давно, не припомню хорошенько, можетъ, слишкомъ за сто лѣтъ, жилъ-былъ именитый гражданинъ, прегордый и пресердитый; говорятъ, изъ ничего, однимъ только счастіемъ, достигъ онъ

богатства и изъ бѣдной избушки попалъ въ каменныя палаты, разбогатѣвши же, позабылъ, какъ онъ прежде терпѣлъ нужду, крайности — жилъ себѣ да капиталы наживалъ, а надъ прочими надъ всѣми только и дѣлалъ, что подсмѣивался. Гражданинъ тотъ именитый, иль по-нашему, то-есть попросту сказать, купецъ, былъ вдовый; жена его лѣтъ пятокъ какъ скончалась.

Осталась только у купца у того, для утѣхи подъ старость лѣтъ, дочь, какихъ свѣтъ не привидывалъ, раскрасавица такая, что красоты ея и описать невозможно, да еще сынъ, хоть собою и невидный, ростомъ былъ не больше какъ съ мизинчикъ, но такой пресмышленый и прехитрый, что уму непостижимо; знать, не даромъ говорится, что дуракъ великъ родится, а иной хоть ростомъ малъ, да зато уменъ и удалъ.

Лишь только начинался день, мальчикъ нашъ тотчасъ же отправлялся въ лѣсъ, все игралъ тамъ да погуливалъ, а при случаѣ дѣлалъ нападенія на гнѣзда птичія, то-есть, словомъ, разорялъ ихъ до основанія; такъ проводилъ онъ времечко до самыхъ-то сумерекъ и только лишь къ ночи домой возвращался. Вотъ однажды идетъ онъ по лѣсу да попѣваетъ

пѣсенку; вдругъ видитъ птицу, а птица та орелъ былъ; разгуливаетъ онъ себѣ по поднебесью да свои крылья расправляетъ и надъ самымъ-то надъ зеленымъ дубомъ, надъ гнѣздомъ родимымъ, гдѣ его молодыя дѣточки на ужасной вершинѣ одни мыкаютъ горе. Мальчикъ нашъ вышины не боялся, словно бѣлка взобрался онъ на дубъ тотъ, влѣзъ въ гнѣздо и усѣлся рядомъ съ орлиными птенчиками и такими вдругъ рѣчами началъ разговоръ свой: «Не вѣдалъ же я до сихъ поръ, что вы, друзья, здѣсь посиживаете, а теперь ужъ не взыщите, шутить не буду: разорю ваше царство!» Горько взмолились птенцы: «Сдѣлай ты милость, не губи насъ, несчастныхъ, не разлучай насъ съ отцомъ нашимъ, большой выкупъ за то получишь; посиди только съ нами полчасика, спой намъ пѣсенку залихватскую позабавнѣе, знаешь, такую, что каждый день поешь, когда ходишь по лѣсу; но лишь только день окончится, прилетитъ орелъ могучій, царь пернатыхъ, нашъ отецъ, надѣлитъ онъ тебя серебромъ и златомъ, братомъ своимъ назоветъ онъ тебя и будешь богачомъ ты, не вѣдая ни горя ни заботы». А мальчикъ съ мизинчикъ отвѣчаетъ: «Пусть вашъ отецъ надѣляетъ серебромъ и златомъ того, кто не видывалъ, а

у меня и безъ того отецъ богатъ: онъ день и ночь надъ сундукомъ мѣряетъ не лопатой деньги, а какъ есть большимъ четверикомъ,— мнѣ вашихъ богатствъ не нужно! Но смотри впередъ: *знай наших*! Отъ бѣды я васъ избавлю и позабавлю, пожалуй, пѣсенкой... Ну, тише же, слушайте». И мальчишка заливается, словно соловей въ пору ночную... Распѣвая же, и не замѣтилъ, какъ лѣсъ туманомъ покрывался и день склонялся къ вечеру. Наконецъ и орелъ спустился въ гнѣздо свое и, увидѣвъ гостя, вымолвилъ: «Здравствуй свѣтъ, купеческій сынокъ! ты тѣшилъ моихъ дѣтей своею пѣсенкой, будь же за то мнѣ старшимъ братомъ; я ничѣмъ не хочу дарить тебя, но клянусь до гроба быть вѣрнымъ твоимъ слугою и, что бы съ тобою ни случилось, не забывай меня!.. а теперь пока прощай; дома ждетъ тебя несчастье! только ты не сокрушайся очень, а во всемъ полагайся на меня: что бы ни было, а я тебя выручу...» Мальчикъ съ удивленіемъ выслушалъ все это, потомъ отдалъ орлу поклонъ, спустился съ дуба и поплелся домой.

Мы сказали, что у богатаго купца была дочка молодая, такая раскрасавица, что ни въ сказкѣ сказать ни перемъ написать. Всѣ

науки прошла она, умѣла на разныя манеры и присѣдать и танцовать, вышивала узоры по канвѣ мудреные, горазда была и по-французски разговаривать. Спору нѣтъ, она хороша, да ужъ не подъ стать спесива была: ей не давай жениховъ изъ купцовъ изъ природныхъ, а давай гусара и то непремѣнно военнаго; чтобъ въ мундирѣ отличался да чтобъ брянчалъ шпорами, не прочь была дочка, впрочемъ, и отъ подьячаго, но чтобы хватъ былъ бы онъ на всѣ руки и чтобъ всѣ тамъ крючки и дѣла судейскія зналъ бы, какъ дважды два.

Купецъ очень гордился своею дочерью и не сердился нисколько, что его красавица была такъ разборчива, женихами какъ словно куклами играла; къ тому же она и любила, такъ сказать, словно-то бабочка порхать. Дѣйствительно, бывало, только проглянетъ солнышко, а ужъ красавица идетъ гулять по саду, ходитъ тамъ по аллеямъ да съ мотыльками разговариваетъ, а то такъ и съ собой разсуждаетъ, впрочемъ, виноватъ, — я и позабылъ сказать ея имечко, женихи хоть и величали ее *неземною дѣвой*, хоть и сочиняли, грѣховодники этакіе, стишки ей разные, и какъ ни увѣряли, что она непремѣнно—*розанчикъ*, но дома всѣ ее звали просто-запросто—*Ѳедорой*.

Такъ вотъ, вставши рано, и разгуливала наша Ѳедора по саду да про замужество размышляла, а день-то былъ къ тому чудный; вдругъ видитъ—кто-то на плетень взобрался, улыбается ей да подманиваетъ; мало этого, и рѣчь еще заводитъ: «Не бойся, Ѳедора ты моя распрекрасная, я давнымъ-давно люблю тебя, болѣе какъ самого себя. Много я бывалъ въ чужихъ земляхъ, много видѣлъ тамъ красавицъ, но такой какъ ты и не привидывалъ, да и не сыскать въ цѣломъ свѣтѣ. Подойди ко мнѣ, раскрасавица, успокой мое сердце молодецкое, скажи: любъ я тебѣ или нѣтъ?» Вотъ Ѳедора смотритъ: малый собою молодецъ разудалый, рѣчи ведетъ сладкія; глаза темно-голубые, кудри всѣ завиты въ кольца, а румянецъ на щекахъ словно то розанчикъ, взоръ же просто соколиный; ну, да словомъ, молодцы такіе развѣ только что въ картинкахъ попадаются, и одѣтъ онъ былъ подъ стать: платье модное, все-то яркаго цвѣта, а на груди его на высокой золотое ожерелье и такъ блеститъ, что *на поди*. И задивовалась дѣвица, заглядѣлась на красавца, потомъ молвила: «Ты откуда же, соколъ, пришелъ сюда? изъ какого, сирѣчь, царства, изъ какого государства, кто, примѣрно, твой

отецъ — храбрый витязь или воинъ, гражданинъ или придворный? Всю мнѣ правду разскажи, сдѣлай милость, — не солги... Молодецъ ей отвѣчаетъ: «Есть за тридевять земель золотое государство». — «Не Китайское ли царство?» дѣва молвила. «О, нѣтъ, нѣтъ! — молодецъ сказалъ въ отвѣтъ. — Вѣдь Китай при морѣ Желтомъ и китайцамъ никогда не увидѣть нашу землю. Наше царство стоитъ на востокѣ уже лѣтъ полтысячи, а блеститъ такъ, какъ будто солнышко! Тамъ теплѣе, чѣмъ на югѣ, а осени, зимы или тамъ вьюгъ и морозовъ мы и не видывали; у насъ и ночи не бываетъ; словомъ, пожить только съ нами — и умирать не захочется. Самъ же я роду не простого какого-нибудь, а наслѣдникъ всего золотого царства; мой отецъ царскій вѣнецъ тамъ носитъ, но ужъ старъ, едва ноги переставляетъ, и того и жди, что умретъ. Такъ, распрекрасная дѣвица, коли хочешь быть царицей, полюби меня, молодца, не откажися выйти за меня замужъ. Мы поѣдемъ съ тобою въ наше царство, въ золотое государство, и тамъ заживемъ знатно, припѣваючи, и во всякую-то пору станемъ поѣдать кисель съ сытою; ну, да словомъ, что всѣмъ на удивленье будетъ». Ѳедора наша раскрасавица и безъ того

недальняго разсудка, а отъ рѣчей молодца совсѣмъ безъ ума стала, и думаетъ сама себѣ: «Эко счастье-то привалило: слава, почести, вѣнецъ царскій. Ну, какъ же тутъ не согласиться?» И вотъ молодцу подаетъ она свою руку и зоветъ его въ хоромы, такъ промолвивши: «Ты пожалуй-ка къ намъ, добрый молодецъ, къ моему отцу; пускай онъ сперва благословитъ меня въ путь-дороженьку, а потомъ ужъ мы съ тобой и поѣдемъ въ край диковинный, въ край восточный вашъ, да съ собою и захватимъ мы цѣлый возъ серебра, золота, что отецъ мнѣ дастъ на приданое». Тутъ ужъ молодецъ такъ отвѣтилъ ей: «Нѣтъ! пусть дорогой родитель твой и не вѣдаетъ, что ты поѣдешь со мной, а не то начнутся сборы, слезы разныя и плачъ и проводамъ конца мы не дождемся, а лучше сдѣлаемъ-ка мы тихонько, умчимся съ тобой отсюда безъ всякихъ затѣй. А когда уладимъ все дѣло, тогда ужъ смѣло прикатимъ назадъ, — я царемъ а ты царицей, да отца-то твоего мы возьмемъ тогда въ наше царство. Что ему здѣсь трудиться и мытарствовать теперь по торговлѣ! Тамъ онъ и безъ того заживетъ богато, а въ золотѣ не будетъ знать и мѣры. Чинъ ему мы подаримъ и пожалуемъ его въ бояре, въ

самые, знаешь, набольшіе». Вотъ какъ говорилъ ей молодецъ, а Ѳедора-то дура и уши развѣсила; ему во всемъ повѣрила, вышла вонъ изъ сада и о семействѣ-то своемъ о родномъ и слезы не уронила. За плетнемъ же за высокимъ встрѣтилъ ее молодецъ, и дѣвица видитъ — близъ дороги стоитъ колесница съ четырьмя конями, кони-то все были не какіенибудь, а борзые да лихіе, гривы-то у нихъ завиты въ кольца, а копыта не гвоздемъ простымъ, а подбиты жемчугомъ, вмѣсто же глазъ блестятъ у нихъ алмазы и у всѣхъ-то, знать для потѣхи, по четыре крыла. Вотъ посадилъ свою дѣвицу нашъ разудалый молодецъ, взялъ вожжи, свистнулъ, борзые взвились, словно то вихорь, не бѣгутъ они, а летятъ да только что крыльями своими похлопываютъ.

Много ли, мало ли они летѣли, мы доподлинно не знаемъ, можетъ, день, а можетъ, два: мало ль что можетъ случиться? Вѣдь, у бѣса не такъ, какъ у насъ: все готово въ минуту бываетъ. Вотъ летитъ наша Ѳедора, летитъ дальше все и дальше, не видитъ уже и солнышка ни свѣта луннаго и диву далась она, отчего это такъ темно стало. Бывало, въ старые годы, какъ она въ саду гуляла иль какъ рѣчь съ собой вела, луна до глу-

хой полуночи плавала по неоу, и вокругъ ея звѣзды свѣтили, а теперь ни зги не видно. И, дивуясь, такъ спросила молодца: «Растолкуй ты мнѣ, пожалуйста, почему это здѣсь мрачно такъ, какъ въ могилѣ будто? Мои мамки говорили мнѣ, что къ востоку и тепло и свѣтло постоянно, а гдѣ же твое, молодецъ, царство золотое и государство, что стоитъ лѣтъ полтысячи и горитъ, словно солнышко?» Внемлетъ молодецъ словамъ ея и въ отвѣтъ только пѣсню запѣваетъ:

«Сидитъ воронъ на дубу,
Самъ играетъ во трубу,
Хорошо въ трубу играетъ,
Выговариваетъ:

Не тумань, моя краса,
Слезой быстрые глаза!
Вотъ отсюда недалеко,
На днѣ пропасти глубокой,
Царство темное стоитъ,
Кругомъ страшный боръ шумитъ.

Въ этомъ царствѣ поживаетъ,
Этимъ царствомъ управляетъ
Вихорь Вихоревичъ царь,
Подземельный государь.

Онъ теперь три дня, три ночи,
Не смежая свои очи,
Ждетъ тебя, моя краса,
Проглядѣлъ свои глаза

Вѣтры буйные, летите,
Царю Вихорю скажите,
Чтобы онъ не горевалъ,
Красну дѣвицу встрѣчалъ!»

И какъ только кончилъ свою пѣсню лихой нашъ молодецъ, вдругъ откуда ни возьмись, поднялась буря-вихорь и словно то звѣрь свирѣпый разбушевалась: свищетъ себѣ такъ, какъ будто бъ вѣтеръ съ вѣтромъ споръ ведутъ промежъ себя за удаль свою лютую; и вотъ въ это-то время какъ разъ наша красавица очутилась въ царствѣ Вихоря. Смотритъ— темно, какъ въ мрачную ночь, а свѣта-то Божьяго и въ поминѣ нѣтъ. Все мрачно да страшно такъ, какъ только бываетъ развѣ въ склепѣ могильномъ. Колесница отъ красавицы нашей улетѣла, и не видать уже жениха стало, только одинъ лишь хохотъ раздается. Испугалась наша Ѳедора не на шутку, а съ испугу-то задрожала вся и думаетъ сама себѣ: «Не во снѣ ли это снится мнѣ?» А пока она разсуждала такъ, затихла буря-вихорь и

мракъ исчезъ... и вотъ видитъ она передъ собой дворецъ да такой чудный, раскрасивый, что хоть бы барынѣ, самой то-есть важной, жить бы въ такихъ хоромахъ... «Ужъ не здѣсь ли женихъ мой живетъ?» Между тѣмъ отворились двери, и передъ красавицей предстали шесть преужасныхъ гайдуковъ, молча схватили они Ѳедору нашу подъ руки и потащили въ хоромы, а въ хоромахъ-то встрѣтилъ красавицу самъ Вихорь-царь, начиналъ съ нею рѣчи сладкія и ведетъ онъ ее въ гостиную, самъ же отъ радости этой великой руки въ бока подпираетъ и поетъ пѣсенку: *Свѣтикъ радость дорогая!..* и хоть застѣнчиво смотрѣла Ѳедора наша, потупивши свои глаза, но, взглянувши исподтишка на жениха своего, затрепетала вся: женихъ ея уже не тотъ былъ молодецъ разлихой, что ей шурымуры строилъ и всякія разныя штуки выдѣлывалъ,— нѣтъ; этотъ старый-то, престарый глядитъ точно какъ медвѣдь дикій; словомъ, такой, что знакомымъ показать срамъ,—лѣтъ ему, чай, будетъ шестьдесятъ; весь въ морщинахъ и едва духъ переводитъ и ужъ, вѣрно, кромѣ киселя, ничего не ѣстъ, да и тотъ, пожалуй, сытою запиваетъ, и тутъ ужъ наша Ѳедора не выдержала, залилась

Самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. 1*

слезами горючими и горько-то, горько заплакала.

Теперь пора, чай, разсказать и про мальчика съ мизинчикъ.

Распростился мальчикъ нашъ съ орломъ и съ его птенчиками и пришелъ, наконецъ, домой, ходитъ себѣ по пышнымъ хоромамъ онъ да дивуется: вездѣ-то шумъ, суета, тревога, словно какъ весь домъ перевернулся вверхъ дномъ, и никакъ онъ не добьется, что за горе такое, за бѣда приключилась? Наконецъ-то подошла къ нему мамка и громко такъ завопила: «Ты все по лѣсамъ разгуливаешь да своими пѣсенками потѣшаешься; разскажи, сдѣлай милость, не видалъ ли тамъ своей сестрицы родимой, нашей раскрасавицы, не гуляетъ ли она тамъ гдѣ по полю? Мы съ утра до темной ночи все ищемъ и никакъ не найдемъ нигдѣ... Куда пропала неизвѣстно, а утро все въ саду гуляла. И ужъ родитель поскакалъ на тройкѣ разыскивать свою дочку милую». Какъ услышалъ это мальчикъ нашъ, такъ и сталъ смекать: «Вѣдь орелъ-то правду молвилъ мнѣ, что найду бѣду я дома, вотъ бѣда-то случилась, вишь, Ѳедоры не найдутъ!.. Дѣлать нечего, придется и мнѣ помогать злому горю». И вотъ нашъ мальчикъ распро-

тился со всѣми и началъ собираться въ путь-дороженьку. Побѣжалъ онъ въ лѣсъ густой и долго онъ шелъ по лѣсу по тому, индо утомился, такъ что вздумалось ему на камешкѣ присѣсть — отдохнуть маленько, а можетъ, и соснуть.

Отдохнувши же, въ путь онъ дальше отправился. Вотъ ужъ бросился бѣжать, а самъ изо всей силы распѣваетъ:

«Какъ у нашего сосѣда
Жилъ-былъ дряхлый старичокъ,
Говорили всѣ про дѣда,
Что онъ старый дурачокъ!

Онъ кутилъ напропалую;
На починѣ взять съ того,—
Взялъ жену онъ молодую,
Неизвѣстно для чего.

А съ женою молодою
И молодчику какъ разъ—
Съ бѣдной нищенской сумою
Погулять придетъ подчасъ».

Вотъ такъ-то шелъ нашъ мальчикъ и распѣвалъ свою пѣсенку; какъ вдругъ лѣсъ покрылся туманомъ, вѣтеръ страшно заколыхалъ въ полѣ и изъ дикихъ-то скалъ изъ-за гро-

мадныхъ вылетѣлъ царь пернатыхъ. Быстро спустился онъ на землю и мальчишкѣ поклонъ отдалъ: «Что сегодня ты такъ скученъ?»

Мальчикъ. Ахъ, бѣда случилась, да такая, какой прежде никогда и въ поминѣ не бывало: пропала моя старшая сестра, распрекрасная дѣвица... Рано утромъ пошла она гулять по саду и неизвѣстно куда... увезли ль, сама ли убѣжала!.. Только старуха-мамка совсѣмъ съ ногъ сбилась, слуги наши всѣ съ ума сошли, отецъ же и подавно растерялся,—и не найдутъ нигдѣ Ѳедоры... и я вотъ прибѣжалъ къ тебѣ за помощью. Помоги, дружокъ, ты горю нашему; повѣрь мнѣ, я самъ услужу тебѣ за это; за птенцами за твоими, словно матка, буду день и ночь ходить, стану ихъ кормить, поить и пѣсенкой потѣшать звонкою.

Орелъ. Ну, не грусти же такъ, мой старшій братъ; услужу тебѣ я службу вѣрную... Знаю я, гдѣ сестра твоя раскрасавица находится: заманилъ ее къ себѣ Вихорь Вихоревичъ, царь темнаго государства, и теперь бережетъ свою чудную находку во дворцѣ своемъ за замкомъ желѣзнымъ, но этому дѣлу мы поможемъ; ты только не унывай много, а исполняй то, что я тебѣ велю; ну, сядь, дружокъ, и дожидайся; пѣсенкой потѣшь себя,

а я въ минуту слетаю въ поле чистое за разрывомъ за травой.

Мальчикъ. Улетай же поскорѣй, братъ, да поскорѣй и возвращайся... больно грустно мнѣ!..

И полетѣлъ нашъ орелъ могучій, только тучи гонитъ предъ собою. Мальчикъ же, сѣвши подъ кустомъ, началъ попѣвать пѣсенку да къ себѣ брата дожидался; и недолго ждать ему пришлось: черезъ нѣсколько минутъ прилетѣлъ орелъ нашъ пернатый, отряхнулъ крылья свои широкія и бросилъ къ ногамъ мальчика чудную разрывъ-траву,

Запасаясь травой-разрывомъ, два хвата наши собирались въ путь-дороженьку не къ той землѣ, гдѣ яга-баба разъѣзжаетъ, не къ той словно рыцарь, и не туда, гдѣ льется широкій Днѣпръ, и гдѣ плаваютъ въ волнахъ дѣвы съ зелеными волосами. Собирались наши хваты въ царство темное, гдѣ купеческая дочь въ хатѣ у царя у Вихоря, сидя, плакала о братѣ, объ удаломъ молодцѣ и о родномъ отцѣ.

Простился мальчикъ съ родиной, садился верхомъ на орла могучаго и не успѣлъ оглянуться, какъ ужъ летѣлъ по поднебесью. И летятъ себѣ друзья наши да встрѣчнымъ об-

лакамъ покрикиваютъ: «Эй, держи правѣй?» Летятъ день, летятъ и два, и вдругъ сдѣлалось темно, спустились друзья на землю и очутились въ темномъ царствѣ; и вотъ видятъ дворецъ царя Вихоря. «Ну, старшій братъ,— промолвилъ меньшой братъ орелъ,—теперь возьмемся-ка за дѣло, пока еще не наступилъ вечеръ и пока еще царь Вихорь гуляетъ да поигрываетъ себѣ съ вѣтрами; ты время не теряй здѣсь даромъ, а ступай поскорѣй во дворецъ, только тамъ, смотри, не зазѣвайся, пройди прямо въ потайной покой, прикоснись къ замку травою-разрывомъ,—замки отопрутся, и двери отворятся передъ тобою настежь, а когда войдешь ты въ покой тотъ, то и увидишь ты тамъ сестру родную. Она тебѣ разскажетъ все, что нужно дѣлать, сама посовѣтуетъ тебѣ, какъ помочь горю, и тогда ужъ не плошай; все, что скажетъ, все исполняй. Не робѣй же, а смѣлѣй иди да проворнѣй выручай сестру. Ее выручивъ, приходи сюда, дружокъ,—свистни, гаркни только, и я явлюсь передъ тобой, словно листъ передъ травой. До свиданья, мой милый».

Тутъ орелъ вспорхнулъ и скрылся, а мальчикъ нашъ ко дворцу пошелъ, и только лишь брякнуло кольцо мѣдное, какъ отворилась дверь

парадная и передъ мальчикомъ представились чудныя-то расписныя комнаты. Та горѣла топазами, эта блестѣла въ яхонтахъ, въ третьей — всѣ стѣны украшены были жемчугомъ, въ четвертой же—цѣлыя-то груды золота, яшмы и изумрудовъ, а ужъ въ пятой—и описать невозможно, какъ была богата. Пробѣжалъ всѣ эти комнаты мальчикъ нашъ и ни въ одной-то живой души не замѣтилъ. «Вотъ хороши владѣльцы,—подумалъ онъ,—бери все и неси, куда знаешь». Разсуждая такъ, вдругъ примѣтилъ онъ дверь и у двери замокъ, тотчасъ же и разрывъ-траву приложилъ къ замку, и замокъ тотъ—какъ не бывалъ—упалъ къ ногамъ его, дверь отворилась, и что же увидалъ нашъ мальчикъ? Увидалъ онъ сестру свою, нашу дѣвицу-раскрасавицу. Глаза у нея были всѣ-то заплаканы, и она сидѣла теперь грустная-то, распрегрустная на своей на пуховой постели, а кругомъ-то ея все брильянты да музыка ее невидимая потѣшаетъ, наигрывая то трепака, то кадрили разныя заморскія. Удивился немало всему этому нашъ мальчикъ съ мизинчикъ и сказалъ сестрѣ: «Ну, ужъ такихъ трелей заморскихъ я и въ балаганахъ не слыхивалъ!» Взглянула на него Ѳедора и промолвила: «Нѣтъ, быть не можетъ, чтобы я

увидала своего брата родного», и такъ сомнѣвалась въ подлинности того, что совершенно растерялась и не знала, что ей дѣлать: сидѣть ли, не шевелясь, иль встрѣчать гостя дорогого. Мальчикъ уже началъ ласкать сестру, свою и, лаская, приговаривалъ: «Кто околдовалъ тебя, что ли? Ты просто одурѣла Ѳедора: сидишь себѣ, глаза выпуча, и ничего не скажешь, иль ты приласкать меня не хочешь, или ужъ любо тебѣ морочить меня». Услышавши эти рѣчи, узнала Ѳедора своего брата родного и тотчасъ же залилась слезами горючими, ухватила его на руки свои, на ладоночку посадила и спросила такъ его: «Сдѣлай милость, разскажи, какъ сюда попалъ ты, *волей* или горькою *неволей*? Если волей, то смотри и до утра не пробыть тебѣ живому; въ эту тайную хорому кто только появлялся безъ спросу, то непремѣнно умиралъ смертію вѣчною».—«Полно врать тебѣ, сестра Ѳедора,—такъ ей мальчикъ отвѣчалъ,—лучше дайка мнѣ совѣтъ полезный, какъ бы намъ воротиться съ тобой домой, успокоить отца нашего родимаго; онъ всѣ глаза свои выплакалъ, сокрушаясь о тебѣ, о своей дочкѣ возлюбленной. Не распускай же балясъ, — онѣ теперь не подъ стать намъ». И принялась красавица

что-то нашептывать ему на ушко, потомъ взяла да и заперла мальчика въ швейный свой ларчикъ, а сама сѣла на прежнее свое мѣсто и громко-то такъ запѣла пѣсенку: «Сизъ голубчикъ дорогой, жаль разстаться мнѣ съ тобой»... Что Ѳедора говорила на ушко мальчику и зачѣмъ потомъ заперла его въ свой швейный ларчикъ, разскажу я вамъ, друзья, послѣ.

Долго ль дѣвица сидѣла, много ль, мало ль пѣла пѣсенку,—мы не будемъ вычислять; продолжимъ лишь только сказку.

Вдругъ, откуда ни возьмись, поднялась буря-вихорь и давай въ воздухѣ мутить, словно то звѣрь свирѣпый рыщетъ, и явился Вихорь-царь, темнаго царства государь, и какъ завидѣлъ онъ, что двери-то его были отворены настежь, такъ онъ и диву дался, сталъ обнюхивать все и тутъ ужъ зарычалъ какъ левъ: «Кто смѣлъ изломать мой замокъ? Здѣсь заморскимъ духомъ пахнетъ!» Перепугалась наша дѣвица не на шуточку, сонной притворилась и сказала какъ будто спросонья: «Все-то у тебя не безъ причудъ: то говоришь я не ласкова съ тобою, то надъ тобой насмѣшки строю, то сержусь, то строга, то измѣну для тебя приготовляю. Вотъ какъ сегодня, только что я заснула, вдругъ, слышу, поднялась буря

и такъ забушевала, что замка твоего какъ не бывало. Я сама перепугалась такъ, что едва пришла въ себя и только что хотѣла было дремать, какъ ты вошелъ сюда ко мнѣ злой-то презлой! Ишь, набрался ты заморскаго-то духу, сердитаго, разгуливая за морями да играя въ полѣ съ вѣтрами.

Осмотрѣлъ Вихорь комнату и повѣрилъ красавицѣ нашей и, тряхнувши головой своею, вымолвилъ: «Ну, будь по-твоему! Я винюсь передъ тобой и готовъ, пожалуй, поклониться тебѣ до земли, но признаться, теперь некогда: спать мнѣ ужасно захотѣлось, да и въ глазахъ моихъ что-то позеленѣло, словно я большихъ чарки три вина выпилъ»... Тутъ привстала Ѳедора наша, начала ласкать царя Вихоря, потомъ спать уложила и, стараясь его усыпить, поцѣловала раза съ три, по бородкѣ потрепала, Старикъ, разнѣжившись, поникъ головою своею на пуховомъ изголовьѣ и захрапѣлъ нашъ Вихорь-царь.

Перестала пѣть красавица, отперла свой швейный ларчикъ и выпустила изъ него мальчика, посадила на постель его и пошептала на ушко ему; тотъ кивнулъ головкою и прыгнулъ къ царю Вихорю, ходитъ себѣ вокругъ бородки, да все ищетъ *золотого волосика*, но

знать не легко было ему найти его, началъ пищать онъ: «Эй, сестрица! дѣло-то наше, выходитъ, плохо, не удается мнѣ отыскать у царя Вихоря два такіе волосика, чтобы золотые были; у него борода-то вся сѣдая». Отвѣчала ему дѣвица: «Въ бородѣ коль нѣтъ, примѣрно, поищи ты хоть въ усахъ». Мальчикъ занялся усами и совсѣмъ-то скрылся въ нихъ, словно гдѣ въ кустахъ возился. Много ль, мало ль мальчикъ рылся, наконецъ-таки сыскалъ, два волосика златые, схватилъ онъ тутъ одинъ волосокъ, уперся ногами въ губу и изо всей силы какъ рванулъ, такъ волосокъ и выскочилъ. Вздрогнулъ Вихорь, но однакожъ не проснулся. Мальчикъ, духъ переведя, за послѣдній принимался, ухвативъ его руками, самъ уперся уже въ носъ, вдругъ рванулъ, и Вихорь вздрогнулъ и хоть вовсе не проснулся, но забредилъ, потянулся, а въ заключеніе чихнулъ.

Взявши съ собою талисманы, мальчикъ съ дѣвицей тотчасъ въ чистое поле выходили. Тутъ ужъ мальчишка нашъ свистнулъ, гаркнулъ, къ себѣ брата громко крикнулъ, и, услышавъ такой крикъ, передъ нимъ орелъ явился.

Чрезъ минуту ужъ орелъ по поднебесью парилъ, а на немъ краса-дѣвица съ своимъ

мальчикомъ сидѣла и съ боязнью-то посматривала она въ даль синюю, не проснулся ли царь Вихорь, не послалъ ли онъ погоню, не велѣлъ ли ихъ догнать,—тогда они погибнутъ. Вдругъ звѣрь свирѣпый рыщетъ, и летитъ та буря, и красотка наша видитъ, что вдали разразилась буря въ небѣ и давай себѣ мутить, словно ураганомъ своимъ прямо-то къ нимъ. Затрепетала тутъ красавица и говоритъ своимъ братьямъ: «Худо, братцы! Вихорь-царь шлетъ погоню, берегись! Не лучше ли на землю намъ спуститься, а не то придется намъ погибнуть!» И вотъ всѣ на землю спустились и засѣли на травушку, къ ручейку небольшому, и по совѣту нашей дѣвицы бросилъ мальчикъ въ ручеекъ одинъ волосокъ царя-Вихоря. Вдругъ всѣхъ троихъ какъ не бывало, вмѣсто рѣчки явилось море синее, а на немъ корабль, кораблемъ же тѣмъ правилъ кормчій, а на самой-то на мачтѣ пѣла птичка-синичка. А корабль-то то былъ орелъ нашъ, кормчимъ—мальчикъ, а синичка-то—наша дѣвица-раскрасавица. Между тѣмъ бушевалъ страшный вихорь, полетѣлъ къ морю и на землю спустился, а на берегу-то явился цѣлый [illegible] богатырей и все-то черти, кто съ хвостомъ, кто съ рогами, а у иныхъ такъ

аршинные когти, и ростомъ-то разные были: иной саженъ въ пять, а другой такъ малъ, что и не видать его совершенно. Остановились они у моря и удивились, на корабль тотъ глядя; потомъ, знать, утомившись, отдыхать задумали и закричали кормчему: «Ей, послушай, дядя кормчій, ты давненько, должно-быть, гулять изволишь, скажи, не видалъ ли ты, родной, одной красной дѣвицы, съ нею долженъ быть мальчишка, а летѣли они на орлѣ на огромномъ?» Кормчій тотчасъ имъ въ отвѣтъ: «Плавалъ я и, правда, видѣлъ птицу, а на птицѣ-то была дѣвица и на рукахъ у той дѣвицы сидѣлъ небольшой мальчикъ; они здѣсь у моря отдыхали, потомъ снова вспорхнули и къ востоку полетѣли. Какъ услыхали духи отъ кормчаго отвѣтъ такой, то въ тотъ же мигъ понеслися къ востоку, а съ ними вмѣстѣ и тучи тѣ грозныя скрылись. Не подумали отдыхать наши путники, а пустились дальше въ путь-дороженьку. Ужъ орелъ нашъ летитъ опять по поднебесью, и сидѣла на немъ дѣвица съ своимъ братомъ, мальчикомъ, и снова-то всматривалась она въ даль синюю, не узналъ ли Вихорь-царь, земли темной государь, ихъ обмана и вмѣстѣ съ вихрями лихими не пустился ли въ погоню, чтобы предать ихъ злой смерти,

и вдругъ видитъ—вдали, къ сѣверу, пошли черныя тучи, буря въ небѣ разразилась и давай въ воздухѣ мутить, словно то звѣрь свирѣпый рыщетъ; неслась буря та съ ураганомъ своимъ прямо-то къ нимъ. Затрепетала тутъ красотка наша не на шуточку и говоритъ своимъ братьямъ: «Братья, худо! Не лучше ли намъ на землю спуститься, а не то не миновать намъ погибели». Спустилися они на землю, сѣли на муравушку, близъ поляночки, подъ горою, около рѣчки, и по совѣту дѣвицы бросилъ нашъ мальчикъ въ ручеекъ волосокъ царя Вихоря. Вдругъ видъ поляны измѣнился, появился лѣсъ дремучій, а въ лѣсу этомъ пустырь сталъ. Братъ меньшой, орелъ, лѣсомъ дремучимъ сталъ, красавица—пустыремъ, а мальчикъ же съ мизинчикъ—старикомъ. Межъ тѣмъ вихорь бушевалъ, ближе и ближе подлеталъ къ морю и вдругъ на землю спустился, а на берегу-то опять полкъ богатырей явился, все-то черти, кто съ хвостомъ, а кто съ рогами и среди всѣхъ былъ и самъ Вихорь-царь, земли темной государь. Задивовались они, увидавши старика, но подступить къ нему не посмѣли, и вотъ, часъ-другой отдохнувши, отправились въ обратный путь. Вихорь-царь ревѣлъ съ досады и отъ тоски такой великой

рвалъ на себѣ волосы сѣдые, да и подчиненнымъ его досталось не на шутку. Буря миновалась и лишь только тѣ тучи скрылись, какъ наши путники спѣшили отправиться въ путь-дороженьку, а объ отдыхѣ и не думали. Орелъ ужъ снова летѣлъ по поднебесью съ красной дѣвицей да съ мальчикомъ, весело посматривали они во всѣ стороны и ждутъ не дождутся минуты той, когда домой явятся. Вотъ, наконецъ, показалось поле, вотъ пашни, вотъ каменныя палаты. Поскорѣй, орелъ, поскорѣй! Еще часъ —и они ужъ дома; вотъ и хоромы отцовскія, вотъ и бѣжитъ къ нимъ навстрѣчу самъ отецъ, а съ нимъ вмѣстѣ и этой сказкѣ конецъ.

Не будемъ говорить о вздохахъ, ласкахъ, поцѣлуяхъ, а скажемъ лишь одно: Ѳедора съ тѣхъ поръ поумнѣе стала и поспѣшила выйти замужъ, только не за крючкотворца иль гусара военнаго, нѣтъ, просто за купца за Ивана.

конецъ.

Книги въ 1 листъ свѣтскаго содержанія.

Скажи, за что ты, товарищъ, попалъ въ рудники.
Дьявольское наваждение.
Донъ-царевичъ.
Слави. богатырь Антипка.
Бѣдный Ваня
Разсказъ о томъ, какъ одинъ оружейникъ заставилъ чорта на станкѣ работать.
Балакиревъ.
Вѣрный работникъ.
Гробовщикъ.
Добрыня Никитичъ.
Демидовы.
Елочка-крошечка.
Вѣрный Иванъ
Золотая птица.
Иванъ богатырь.
Исторія одной матери
Конекъ-Горбунокъ.
Король снѣговъ.
Могила Маріи.
Марко-Богатый.
Оракулъ.
О мертвой царевнѣ.
Похожден. пошехонцевъ.
Письмовникъ.
Рыбакъ и его жена.
Скатерть самобранная.
Страшн. змѣй Горынычъ.
Сундукъ-самолетъ.
Три пояса.
Францыль Венеціанъ.
Юрій Милославскій.
Атаманъ Львиное Сердце.
Босфорная змѣя.
Приключ. стрѣльца, или три диковины купца.
Нужда пляшетъ, нужда скачетъ.
Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.
Чортово гнѣздо.
Ванька-ротозѣй.
Фикъ понамарь.
Руководство къ выбору женъ.
Сказка о царевнѣ.
Таинственный черный рыцарь.
Бойся Бога.
Рука Всевышняго отечество спасла.
Мареа.
Имъ люди живы.
Три старца.
Изъ временъ чумачества.
Похищеніе Клары.
Графъ Суворовъ.
Вѣдьма и черный воронъ.
Старушка.

(ЗР)

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ
для ремесленниковъ и кустарей:

1. **БЛАГОНРАВОВЪ, М. Ѳ. Руководство по сапожно-башмачному ремеслу.** Ц. 50 к.
2. **ЛЕВИНСКІЙ, И. В. Руководство по ткачеству.** Ц. 50 к.
3. **ЕГО ЖЕ. Улучшенный ручной ткацкій станокъ.** Ц. 30 к.
4. **ИВАНОВЪ, Н. Столярное ремесло.** Ц. 20 к.
5. **ЕГО ЖЕ. Слесарно-кузнечное ремесло.** Ц. 40 к.
6. **ШУВАЛОВЪ, Ѳ. Руководство по переплетному мастерству.** Ц. 15 к.
7. **ПОВАРНИНЪ, Г. и ПАРАМОНОВЪ, Г. Выдѣлка кожъ-мостовья.** Ц. 30 к.
8. **МИНАЕВЪ, В. И., и ОРЛОВЪ, Н. Н.,** инжен.-технологи. **Крашеніе льняныхъ, пеньковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ пряжъ въ прочные цвѣта.** Руководство для кустарей съ подробн. рецептами крашенія и образц. крашеной пряжи. Ц. 50 к.
9. **КИСЕЛЕВЪ, В. С. Краски, масла и лаки.** Краткія свѣдѣнія объ ихъ приготовленіи, свойствахъ, изслѣдованіи и примѣненіи въ малярномъ дѣлѣ. Ц. 50 к.
10. **ПЕТРОВЪ, Е. П., и СУВОРОВЪ, П. А. Руководство по плетенію изъ ивовыхъ прутьевъ и камыша. Корзины, плетеная мебель и мелкія издѣлія изъ прута и другихъ матеріаловъ.** Ц. 50 к.

ЖЕЛАЮЩІЕ КУПИТЬ КНИГУ

могутъ обращаться письмомъ по адресу: **Москва, Тверская, 48, книжному магазину Т-ва И. Д. Сытина,** съ обозначеніемъ названія книги и указаніемъ своего почтоваго адреса. Книги посылаются **наложеннымъ** платежомъ, т.-е. стоимость книги и ея пересылки взыскивается въ мѣстномъ почтовомъ отдѣленіи.